

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вдовиченко Л.В.

Сургут, Россия

«ПОРЯДОК» И «БЕСПОРЯДОК» КАК ЦЕННОСТЬ И АНТИЦЕННОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И США

УДК 81'27

ББК III 100.3

Аннотация. В статье уделяется внимание вопросу выражения ценностей и антиценостей в языке, также приводятся некоторые результаты сопоставительного исследования идеологем «порядок / беспорядок» как способа выражения ценностей и антиценостей в российском и американском политическом дискурсе.

Ключевые слова: идеологема, ценность, антиценность, оценка, политический дискурс, порядок, беспорядок.

Сведения об авторе: Вдовиченко Лариса Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1.

Место работы: Сургутский государственный университет ХМАО-Югры

Контактная информация: 628416, Тюменская обл., г. Сургут, ул. Бажова, д. 19, кв. 49.
E-mail: vdovichw@rambler.ru.

Результатом возросшего интереса лингвистов к изучению ценностей стало возникновение нового научного направления в лингвокультурологии – аксиологической лингвистики (Е.В. Бабаева, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин и др.). Одной из ключевых задач аксиологической лингвистики является проблема выражения ценностей и антиценостей в языке. К примеру, М.Я. Блох и Н.В. Ильина считают: «Понятие ценности связано лишь с положительным значением, что и отличает ценность от оценки. Отрицательных ценностей быть не может, поскольку одно и то же явление не может быть одновременно и положительным, и отрицательным в одном и том же отношении и для одного и того же человека». [Блох, Ильина 1986:16]. Следуя логике различных определений понятий «ценность / антиценность», мы признаём, что один и тот же объект, оцениваемый с одной точки зрения, может выступать как ценность, а с другой – как антиценность. Ценности и антиценности, выявленные в процессе оценки, не являются естественными свойствами оцениваемых объектов, «хотя они неразрывно связаны со своими носителями и немыслимы без них. Поэтому нельзя сказать, что они объективны. С другой стороны, ценность или антиценность не могут быть названы субъективными. Они – момент единства субъекта и объекта» [Блох, Ильина 1986: 17]. Т.А. Светоносова при проведении сопоставительного исследования ценностей в российском и американском политическом дискурсе на материале выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединенных

Vdovichenko L.V.

Surgut, Russia

“ORDER” AND “DISORDER” AS VALUE AND ANTIVALEUE IN THE POLITICAL DISCOURSE OF RUSSIA AND THE USA

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article deals with the question of expressing values and antivalues in the language. Results of comparative research of ideologems “order / disorder” as means of expressing values and antivalues in the political discourse of Russia and the USA are listed.

Key words: ideologem, value, antivalue, evaluation, political discourse, order, disorder.

About the author: Vdovichenko Larisa Vladimirovna, Senior Lecturer, the Chair of Foreign Languages №1.

Place of employment: Surgut State University KhMAO-Yugra

Контактная информация: 628416, Тюменская обл., г. Сургут, ул. Бажова, д. 19, кв. 49.

Штатов Америки Дж. Буша рассматривает ценность как bipolarную категорию, т.е. каждой ценности соответствует антиценность, или даже несколько антиценостей. В данном исследовании ценность понимается автором как то, «за что президенты планируют бороться, к чему они обещают стремиться, как то, что они признают наиболее важным. Соответственно антиценность – это то, против чего Президенты планируют бороться, то, что считают нежелательным, тормозящим развитие страны» [Светоносова 2006: 6-7]. Проанализированный речевой материал позволяет автору сделать вывод, что Президенты обеих стран регулярно обращаются к таким политическим ценностям как закон / law, свобода / freedom, liberty, демократия / democracy. Т.А. Светоносова подчеркивает, что в качестве антиценостей в выступлениях В.В. Путина зафиксированы соответственно «незаконный», «рабство, зависимость», «тоталитаризм». В выступлениях Дж. Буша, как отмечается исследователем, демократии противопоставляются такие политические режимы, как «гитлеризм, милитаризм, коммунизм».

В.В. Воробьев в своей монографии исследует лингвокультурологическое поле «русская национальная личность», в рамках которого автор занимается изучением культурологических ценностей русской национальной личности. «В основе русской национальной личности лежат ценности, усвоенные русским народом в процессе его исторического бытия» [Воробьев 2008: 163]. Анализ литературных текстов, словарных статей, публицистики позволяет автору сделать вывод, «что для русских характерна

ориентация на общину, мир, общество, государство. Отсюда: героизм и жертвенность («сам погибай, а друга выручай», «или грудь в крестах, или голова в кустах»), романтизм и склонность к роли «первопроходцев и благодетелей», борьба с мещанством и меркантилизмом, жизнь во имя будущего и детей и т.д. Именно общинный характер, при котором выше ценились слава («Хоть денег ни гроша, зато слава хороша»), духовность (святость), знание, справедливость, власть определяет особенности русской национальной личности». [Воробьев 2008: 164].

И.В. Ерофеева, занимаясь исследованиями в области аксиологии медиатекста в российской культуре, обращается к категории «национальной Модели Мира языковой личности», в которой фокусируются духовные ценности, вбирающие сущность национальной аксиологии. По мнению И.В. Ерофеевой, национальная Модель Мира языковой личности основывается как на когнитивной (существующей в виде концептов), так и на языковой картине мира (существующей в виде значений языковых знаков). Такая модель, концептуализирующая и репрезентирующая действительность, поясняет И.В. Ерофеева, «обусловлена стереотипами, паттернами мысли и поведения, сконцентрированными в менталитете». Языковая личность, как указывает исследователь, представляет собой не только совокупность особенностей вербального поведения человека, но и базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка. «Национальная личность в системе коммуникативных поступков объективирует языковую личность, которая непосредственно раскрывает себя в значениях языковых единиц и смыслах текстов, демонстрируя образ жизни и систему ценностных координат человека как представителя определенной культуры» [Ерофеева 2010: 24-25].

По мнению В.И. Карасика, ценностную основу культуры общества составляет аксиологический кодекс языка, образованный из совокупности оценочных признаков в лексических значениях слов [Карасик 2002: 328]. Таким образом, особый интерес представляют различные способы оценочности в языке, которые являются основными средствами отражения системы ценностей в языковой семантике (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Бабаева, Е.М. Вольф, В.Д. Девкин, Ю. Дольник, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия). М.Н. Эпштейн относит способ выражения оценочности в языке к одной из тех лингвистических проблем, с которыми постоянно приходится сталкиваться при анализе идеологических текстов [Эпштейн 1991: 19]. На уровне лексики представляется важным отметить такие способы, как прагмемы, идеологемы, мифологемы, культуремы (лингвокультуремы). В современной политической лингвистике под идеологемой понимают языковую единицу, «семантика которой покрывает идеологический

денотат или наславляется на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183]. Особый интерес представляют идеологемы – семантические оппозиции, в частности *порядок/беспорядок*.

Исследование идеологем «порядок» и «беспорядок» как ценности и антиценности проводилось на материале современных российских и американских печатных и электронных СМИ. 820 (455 русскоязычных и 365 англоязычных) выявленных примеров позволяют сделать определенные важные для сопоставительного анализа выводы. Все примеры были, прежде всего, классифицированы в соответствии со сферой употребления на примеры, которые относятся к субсфере внутренней политики, и те, которые обнаружены при обращении к дискурсу внешней политики. Сравнительный анализ данных классификации выявил определенную иерархию ценностей / антиценостей. Так, в субсфере внутренней политики лидирующее положение занимает идеологема «порядок» как ценность и атрибут государственной власти, ее силы и могущества. Исследуемая идеологема зафиксирована в 70 русскоязычных и 30 англоязычных примерах. «Порядок – это сложившаяся при В. Путине система управления государством, которую некоторые политики называют «суверенной демократией». Наш народ горой стоит за порядок. Лучше всего термин «порядок» характеризует знаменитая фраза Столыпина, сказанная им о революционерах: «Им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!» Нашему народу и нашей партии нужен такой ПОРЯДОК» (Лозунги партии социальной справедливости/Российская газета, 20.11.2007). «In America, political majorities live or die at the intersection of two public yearnings: for freedom and for order. Traditional liberalism died there because Americans – who had once associated it with order – came to associate it with disorder instead». (В Америке политические партии живут или умирают на пересечении двух общественных сильных желаний: свободы и порядка. Традиционный либерализм умер, потому что американцы – те, кто ассоциировал его с порядком – ассоциируют его теперь с беспорядком) (Peter Beinart, Time, 13.11. 2008). Идеологема «беспорядок» лидирует в значении «социальные беспорядки, стычки с милицией / полицией» – 84 и 37 примеров в политическом дискурсе России и США соответственно. «В России «свободной» конца 20 столетия, среди прочих, родилось новое поверье: когда в умах – порядок, беспорядки происходят на улице, когда беспорядок в голове, до улицы остается ждать немного. В России «тоталитарной» сталинского периода порядок был везде – и в головах, и на улицах. Тема порядка – беспорядка сегодня вдруг оказалась актуальной фактически везде, как некогда тема свободы слова» (Олег Головин, <http://zavtra.ru>. 18. 02.2003). «Without

any unifying themes in foreign or domestic policy, disorder reigned. Bush will find common ground reading about Carter's experience. (Без каких-либо тем, единых как для внешней, так и для внутренней политики, преобладал беспорядок. Буш найдет точку соприкосновения, читая об опыте Картера) (Julian E. Zelizer, Newsweek, 11.10.2008).

Особый интерес представляют результаты исследования в субсфере внешней политики. Следует отметить, что идеологема «порядок» в контексте нового мирового порядка занимает центральное место в политическом дискурсе и России, и США. Безусловным представляется ценность нового мирового порядка как порядка многополярного, как взаимодействие различных государств, как способ глобализации мира, на что указывает значительное количество примеров: 42 русскоязычных и 29 англоязычных. «В настоящее время широко обсуждается проблема, каким должен быть новый мировой порядок. Нынешний миропорядок, конечно, далек от идеального. Содержание, параметры нового мирового порядка до конца определить невозможно. Можно предположить, что новый мировой порядок будет формироваться постепенно и сразу не охватит государства всех локальных цивилизаций, все континенты» (Ю.Я. Киршин, Независимая газета, 10. 04. 2009). «Obama promises the world a renewed America. With a steel never so pronounced in his campaign, he challenged America's adversaries – and, recently, some of its oldest friends – who have spied an America diminished by economic distress and war, and heralded a new world order in which America would give up much of its power». (Обама обещает миру обновленную Америку. С твердостью, никогда не декларированной в период его кампании, он бросил вызов противникам Америки – и, до недавнего времени, некоторым ее старым друзьям – которые обнаружили, что Америка подорвана экономическим бедственным положением и войной, и объявил новый мировой порядок, в котором Америка уступит большую часть своей власти) (The New York Times, 20. 01. 2009). В американском политическом дискурсе идеологема «order» занимает особое место. В начале 1990-х годов США выступили активным претендентом на глобальное лидерство. После падения режима Саддама Хусейна мир заговорил о практически безраздельном господстве Соединенных Штатов, что позволило США вмешиваться во внутренние дела других государств. «На Америку ложится бремя законодателя, арбитра и шерифа, который ведет за собой, подтягивает отстающих, наказывает смутьянов» [Бажанов 2009:18]. Согласно результатам исследования идеологема «order» в значении «соблюдение законности и правопорядка в различных странах мира» в иерархии ценностей представлена наиболее широко (43 примера). Тогда как в российском политическом дискурсе

не зарегистрировано ни одного примера с такой коннотацией. «But few expect the Somali force can establish order». (Но немногие ожидают, что сомалийские власти могут установить порядок) (Salad Duhul, The Washington Post, 15. 01. 2009). Представляется необходимым подчеркнуть тот факт, что в американском политическом дискурсе присутствует большое количество примеров, в которых содержится критика войны и действий американского правительства в Ираке. «There is no strong plan for turning Iraq over to Iraqi people and we're quickly losing even the ability to maintain order». (Не существует плана по передаче Ирака народу Ирака, и мы стремительно теряем способность поддерживать порядок) (Robert C. Byrd, The Washington Post, 15. 01.2009). Идеологема «порядок/order» как ценность существующего мирового порядка также отмечена и в российском, и в американском политическом дискурсе (33 и 34 примера соответственно). «Возникший после 1945г. мировой порядок, позволявший избегать столкновений, признававший суверенитет государств над своей территорией и необходимость мандата ООН на вмешательство в случае международного конфликта, разрушен» (Александр Шаравин, Независимая газета, 20.03.2009). «The iron law of the post-cold war global order is in order to be influential or powerful, a nation must be prosperous, its economy must take part in the international system». (Железный закон глобального миропорядка после холодной войны таков: чтобы быть влиятельным или могущественным, любое государство должно быть процветающим, его экономика должна участвовать в международной системе) (Michael Hirsh, Newsweek, 13. 04. 2009).

Результаты исследования указывают на некоторые отличия в иерархии антиценостей, выраженных идеологемой «беспорядок / disorder». Так, в российском политическом дискурсе зафиксированы только случаи употребления исследуемой идеологемы в значении «отсутствие взаимодействия различных государств». «Лишь видение реального врага и «чистые» спецслужбы, не вовлеченные в реваншистскую деятельность и не заинтересованные в распространении управляемого хаоса, способны остановить наступление Нового мирового беспорядка» (В.С. Овчинников, Россия в глобальной политике, № 2, 2006). В отличие от российского политического дискурса, в американском политическом дискурсе отмечено большее количество использования идеологемы «disorder» для выражения антиценостей, таких как хаос в мировой экономике, слабость государственной власти (по мнению США) в других странах, беспорядок и рост преступности в некоторых странах мира. «Deadly fires expose disorder in Putin's Russia. But the fast-moving fire on October 2, and the grotesque panorama of desperation, injury and death that accompanied it, underscored the enduring disorder be-

neath Russia's partial revival. (Беспощадные пожары обнажают беспорядок в путинской России. Но быстро распространившийся пожар, произошедший 2 октября, и гротескная панorama отчаяния, смерти и ущерба, сопровождавшая его, высветили устойчивый беспорядок, который кроется за частичным возрождением России) (New York Times, 07. 11. 2007).

Итак, широкое употребление идеологемы «порядок» в политическом дискурсе России указывает на то, что в российском политическом сознании базовой ценностью является порядок, что обусловлено тем, что в социоцентристском российском обществе соседствуют установка «быть как все» и доминирующий принцип «запрещено всё, что не разрешено». Некоторые исследователи указывают на специфическую советскую окраску: «Порядок» – очень важная ценность для советского и постсоветского сознания – означал, прежде всего, порядок в рамках государства, устойчивую систему власти, обладающей силой и авторитетом, и лишь в самой малой степени воспринимался как порядок в делах отдельного человека или малой группы» [Пантин, Лапкин 1999: 147]. Большинство россиян и сегодня чувствуют себя уверенно только в ситуации, где существуют конкретные предписания, что и как делать, определённый порядок, регламентирующий нормы и правила поведения. Ситуация, где «разрешено всё, что не запрещено», допускающая свободу выбора и действий, в российском обществе часто оценивается как «непорядок». В любом обществе существуют нормы или социальные предписания, но только в социоцентристском обществе такие нормы носят тотальный и универсальный характер. В российском обществе эти нормы имеют также и политический смысл: любой способ жизнедеятельности должен быть разрешён инструкциями, законами, регламентами «сверху». Чем больше таких предписаний, чем больше сфер деятельности они охватывают – тем больше порядка в обществе. Поэтому в российском менталитете социальный порядок ассоциируется с государством, роль которого для большинства состоит в регламентации и приданию порядка всем общественным отношениям. Порядок кажется тем основательнее и надёжнее, чем больше государство издаёт законов и инструкций, подробно и детально определяющих все стороны жизни общества и индивида. Отсюда у русского человека « страсть к порядку» и готовность поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка». Как отмечает Е. Бажанов, в России традиционно существует культ самодержца, строгого к своим, беспощадного к врагам. «Все уважаемые политические персонажи прошлого именно такие – Иван Грозный, Петр Первый, Николай I. Реформаторы, гуманисты – не в почете, ни Александр II, ни Никита Хрущев,

ни Михаил Горбачев. Тоталитарные настроения подхлестываются неудовлетворенностью нынешней жизнью. Людям кажется, что Сталин навел бы порядок и восстановил бы социальную справедливость» [Бажанов 2010: 21]. Следует отметить, что результаты многих социологических исследований, в частности всероссийских массовых репрезентативных опросов Фонда «Общественное мнение», социологических опросов «Левада – центра», целью которых явилось выявление динамики политических и других ценностных ориентаций жителей России в период становления новых политических и экономических институтов, указывают на яркую идеологическую окраску такой ценности как порядок. Идеологема «беспорядок» отражает ярко выраженную антиценность. Данное исследование подтвердило, что порядок не относится к числу фундаментальных американских ценностей. В XXI в. согласно результатам многочисленных исследований как американских, так и российских ученых, сложную систему, именуемую «фундаментальными американскими ценностями», составляют частная собственность, равенство (имеется в виду, прежде всего, конечно, равенство возможностей), свобода, индивидуализм, стремление к достижению «личного успеха». Эта система также дополняется такими естественными для американцев жизненными принципами, как свободное предпринимательство, деньги, богатство, конкуренция, расчет на собственные силы, высокий жизненный уровень, семья, демократия, религия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов Е. Сталин: ожившие мифы и отжившая реальность // Эхо планеты. 2010. №18.
- Бажанов Е. Несостоявшаяся «Pax Americana» // Эхо планеты. 2009. №45.
- Блох М.Я., Ильина Н.В. Структура и семантика оценочной конструкции // Функциональная семантика синтаксических конструкций. – М., 1986.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. – М.: РУДН, 2008.
- Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): Автореф. дис. докт. филол. наук. – СПб., 2010.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурет // Русский язык сегодня. – М., 2000.
- Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-годы // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 2.
- Светоносова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
- Эпштейн М.Н. Идеология и язык // Вопросы языкоznания. 1991. № 6.

© Вдовиченко Л.В., 2010